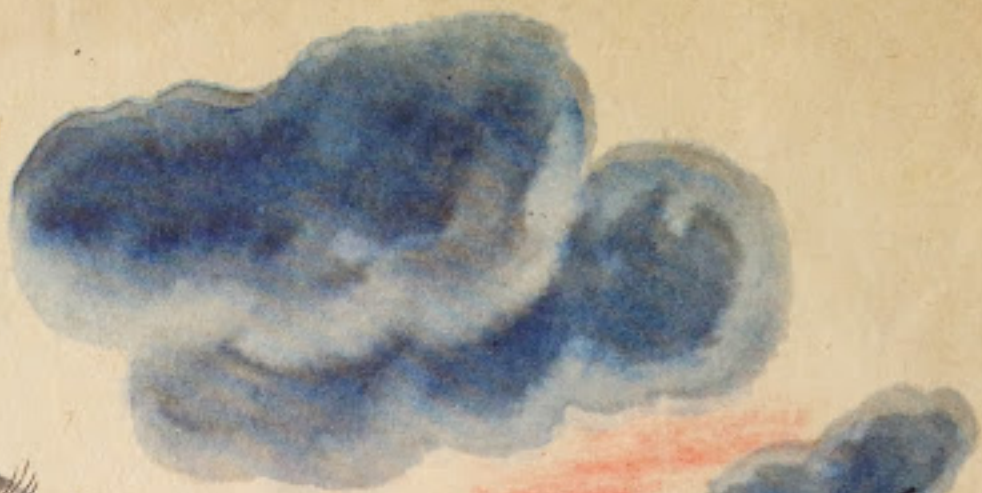

Р. БАУМВОЛЬ

РЕДЬКИН жест

Зимний

привет

проснулся в лесу заяц и увидел, что началась зима. Земля покрыта снегом, деревья — тоже, а в воздухе летают пушистые снежинки.

«Пошлю суслику снежинку!.. — подумал заяц. — Зимний привет от меня».

И заяц выбрал самую красивую снежинку — крохотное сверкающее колёсико с причудливыми зубцами — и толкнул его, приговаривая:

— Катись, снежинка, катись прямо к суслику и передай ему от меня зимний привет!

Катится снежинка, а к ней по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Снежинка знает себе обрастает снегом, и, куда докатилась до суслика, она уже была не снежинкой, а комочком. Белым пушистым комочком.

Обрадовался суслик, повертел снежный комок и так и этак. Дай, дам — пошлю зимний привет белке. Вот обрадуется она!

Взял суслик комок снега и толкнул его изо всей силы, приговаривая:
— Катись, комочек, катись прямо к белке и передай ей от меня зимний привет.

Катится комок, а к нему по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Комок знает себе обрастает снегом, и, покуда докатился до белки, он уже был не комком, а большим комом.

Обрадовалась белка, повертелась вокруг снежного кома, повертелась да и надумала: — Пошлю зимний привет косолапому мишке. Вот обрадуется!..

Разбежалась белка, толкнула ком изо всей силы, приговаривая:
— Катись, ком, катись прямо к мишке и передай косолапому от меня зимний привет.

Катится ком, а к нему по дороге всё новые и новые снежинки прилипают. Ком знай себе обрастает снегом, и, покуда докатился до косматого мишки, он уже был не комом, а горой. Белой снежной горой.

Вылез медведь из своей берлоги, увидел снежную гору и заворчал:

— Кто это мне выход снегом загородил?..

Он уже хотел было налечь плечом и отодвинуть снежную гору, да вдруг раздумал: лень напала...

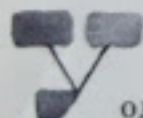
— Пойду, — говорит, — прилягу малость. Авось, само собой обойдётся...

Полез медведь назад в берлогу, засунул лапу в пасть и задремал, а когда вылезать стал, уже всюду таял снег.

Понюхал медведь воздух, полизал снег и стоит, лохматый, не шелохнется. Капелька на его носу в лучах солнца поблескивает.

Эта капелька и была той растаявшей снежинкой, которую в начале сказки заяц послал суслику.

Р Е Ъ Ь К И Н Х В О С Т

одной мышке был очень непослушный хвост. Когда она вбегала в свою норку, её хвост хоть на миг, но непременно оставался торчать снаружи. И сколько мышка ему ни говорила, что главное в мышинной жизни — это спешить, что неровен час и угодишь кошке в лапы, хвост её продолжал делать своё, он то и дело застревал.

Однажды после ночной прогулки мышка шмыгнула в свою норку, а хвост её, как всегда, замешкался. Тут, откуда ни возьмись, кот.

— Вот, наконец, мышкин хвост! — облизнулся он. А хвост, возьми да и скажи:

— Вовсе и не мышкин!

— А чей же? — удивился кот.

— Я редькин хвост, вот я кто!

Кот ещё больше удивился.

— Но тогда почему ты подрагиваешь? — спросил он с недоверием.

— А хвосты всегда подрагивают — чьи бы они ни были, — сказал мышкин хвост, — это я должен удивиться, почему твой хвост к земле прилип...

— К земле прилип? Не может этого быть!

— Посмотри сам, если не веришь...

И покуда кот оглядывался на свой хвост, мышкин хвост улизнул.

От настоящего кота он бы, конечно, не улизнул — сам бы попался и потянул бы за собой всю мышку, — но к мышкиному счастью этот кот был ещё почти котёнком, который в первый раз отправился на охоту.

ВСЕ ОСТАЛИСЬ ДОВОЛЬНЫ

— одружились медведь и заяц, хотя в действительности этого не бывает. — Пойдём, навестим наших друзей в деревне, — сказал однажды заяц медведю. А их друзьями были лошадь и корова, чего, конечно, тоже никогда не бывает.

Вот двинулись лесные жители знакомой тропинкой. Обрадовались лошадь и корова, увидав гостей. Стали они разговаривать о том и о сём, друг друга похваливать.

— Ну и хвост же у тебя, бурёнушка, всем хвостам хвост, — восхищается заяц. — А мой-то какой куций.

— Зато у тебя уши хороши, — говорит корсза. А медведь любит лошадиными копытами.

— Мне бы такие! Вот бы я зажил...

— Что до меня, — говорит лошадь, — я бы хоть раз в жизни хотела походить на двух ногах. Меня бы, может, запрягать перестали.

Поговорили, поговорили — надумали меняться. И (вот уж чего никогда не бывает!) заяц взял себе коровий хвост, корова — заячьи уши, медведь — копыта, а лошадь — медвежьи лапы. Сначала все были довольны.

Прибежал заяц в лес, сел посреди полянки, длинным коровьим хвостом обмахивается — чудесно! Жаль только, мух нет. А как лиса к нему подкрадывается — того без своих длинных ушей не слышит. Ещё хорошо, что лиса, когда увидела у зайца коровий хвост, от удивления забыла, зачем пришла...

А медведь? Залёг он, было, на зиму в берлогу, собрался лапу сосать.
А копыта не очень-то пососёшь... Взвыл мишенька и к зайцу пошёл.
А заяц ему навстречу скачет.

— Еле, — говорит, — от лисы спасся. Из-под самого её носа вывернулся.

Собрались медведь и заяц в деревню, да тут увидели, что корова и лошадь к ним спешат.

— Что случилось?

— А то, что житья не стало, — говорит бурёнка, — доярка ещё за версту от меня, а я уже слышу её шаги — и наутёк. Зачем бегу — сама не знаю. Так и хожу недоенная. Уффф... тяжело!

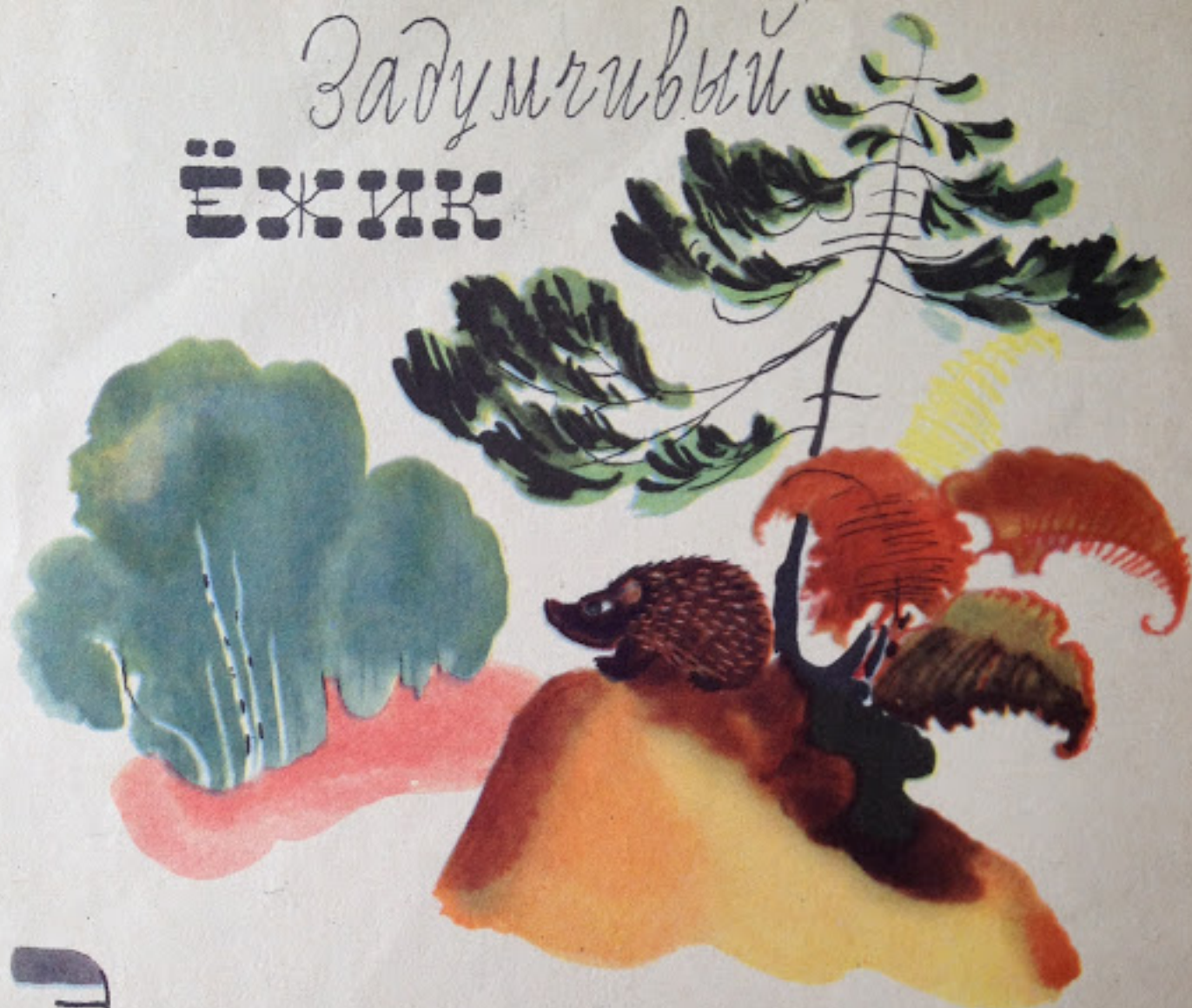
— А я, — говорит лошадь, — когда меня запрягли, встала на задние ноги и всю поклажу из телеги вытряхнула. Ну и шуму было! Одни говорят: «Её в цирк надо». (Это меня-то!) Другие кричат: «Она взбесилась». Что ты будешь делать!

— Что делать? Меняться снова, как было.

И все поменялись. Да как довольны были — больше прежнего.

Задумчивый ёжик

Э

то был задумчивый ёжик, грустный и немножко странный. Он стоял на бугорке возле ёлки и глядел куда-то. Он даже не услышал, как подошла к нему девочка. Он не успел свернуться колючим шариком, как она подняла его. Но, так как ёжик был немножко странный, он не испугался. Он только сказал задумчиво:

— Оказывается, если встать на бугорок, то не только тебе видней, но и тебя видней...

— А что ты высматривал? — спросила девочка.

— Я заблудился и хотел найти свой дом.

— Хочешь, я тебя снова поставлю на бугорок? Попробуй, поищи.

— Нет уж, — сказал странный ёжик, — я давно стою на этом бугре, а дома своего никак не найду. И потом, когда ты в другой раз захочешь взять меня руками, это может тебе не удасться. Я натяну на себя свои иголки.

— А разве ты хочешь, чтобы я взяла тебя к себе домой? — спросила девочка.

— Что ж, — вздохнул ёжик (этот ёжик умел вздыхать), — твой дом, это не мой дом, но всё же это дом. А потом у тебя добрые пальчики, — добавил он, — они меня держат очень осторожно, ласково.

Девочка принесла к себе ёжика, поставила его на стул и спросила:

— А чем тебя кормить? У меня ещё никогда не было ёжиков, и я не знаю, что они едят.

— И я не знаю, — сказал странный ёжик, — я бы спросил свою маму, чем надо меня кормить. Но я ведь не знал, что я заблужусь...

— Какой ты странный! — сказала девочка.

— Да, я странный, — согласился ёжик, — я странный и... голодный, — добавил он и снова задумался.

— Я тебе дам самое вкусное, что у меня есть, — сказала девочка и принесла ёжику варенье на тарелочке.

Ёжик понюхал и отошёл.

— Нет, — сказал он, — это не то, что я ем. Попробуй, пожалуйста, дать мне что-нибудь другое.

Тогда девочка принесла ему хлеб с маслом. Но ёжик понюхал и отвернулся.

— Нет, эта еда не для ежей, — сказал он, — но всё же это мне не так противно, как то, первое, «самое вкусное». Может быть, ты попробуешь дать мне самое невкусное?

— Самое невкусное это, конечно, молоко, которое бабушка заставляет меня пить, — сказала девочка и поставила перед ёжиком блюдо с молоком.

Ёжик сунул мордочку в блюдо и не вынимал её оттуда, покуда блюдо не опустело.

— Если этот вкуснейший напиток называется молоком, — сказал ёжик, — то мне остаётся только пожалеть, что твоя бабушка не моя бабушка.

— Ничего! — сказала девочка. — Она будет и твоей бабушкой... то есть, я не то хотела сказать. Я хотела сказать, что моё молоко будет твоим молоком, я с тобой охотно поделюсь.

Но странный ёжик не долго радовался. Он снова сделался задумчивым и даже чуточку грустным.

— А чем я, такой колючий, смогу тебя отблагодарить? Что я умею? Я забыл спросить об этом у моей мамы...

— Ах, это совсем неважно! — сказала девочка. — Всё равно ты мой милый ёжик!

— Вот как? — удивился ёжик. — Об этом надо мне ещё подумать. — И он полез под кровать думать, а девочка пошла гулять во двор...

— Почему ты ночью не спал, всё топал и возился? — спросила наутро девочка у ёжика.

— Я старался вспомнить дорогу к себе домой. Там у меня мама-ежика, папа-ёж и братья-ежата. Я должен вернуться к ним...

— Да, ты должен, — сказала задумчиво девочка. Она научилась от ёжика задумываться.

Потом ёжик встал на платочек, который разостлала девочка, а она взяла платочек за концы и понесла ёжика в лес.

В лесу она отыскала тот самый бугорок, на котором в первый раз увидела ёжика. Она положила платочек на бугорок, пустила ёжика на траву, а сама скорее-скорее, чтобы не заплакать, побежала обратно.

А ёжик пошёл к своему дому. Теперь он сразу узнал дорогу.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Баумволь Рахиль Львовна

РЕДЬКИН ХВОСТ

Художник А. Брей

Редактор И. Мазнин.
Художественный редактор Д. Пчёлкина.
Технический редактор В. Голубева.
Корректор Н. Сендерова.
Подписано к печати 25/IV 1966 г.
Бумага 60×90¹/₂, 2,5 печ. л. Уч.-изд. л. 2,07.
Тираж 150 000. (II-й завод — 90 000). Заказ 3535

Изд. № 459

По оригиналам издательства «Малыш»
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

Московский комбинат бумажных изделий Главного
управления промышленности по производству
игрушек «РОСГЛАВИГРУШКА» Министерства
легкой промышленности РСФСР,
Москва, Люблинская, 30.

Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВИНТИ

Люберцы, Октябрьский пр., 403